

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

VII *).

Минуемъ сосѣднее съ Галиціей Подолье, о еретичествѣ обитателей котораго у насъ нѣтъ свѣдѣній, и перейдемъ въ другую южнорусскую область, въ которой социніанство надолго свило себѣ теплое гнѣздо: разумѣемъ старинный центръ южнорусской культуры—Волынь. Когда въ концѣ первой половины XVI в. потоки реформаціи достигли южной Руси, волинцы заплатили обильную дань вѣку и, по словамъ современника, „охотно ринулись въ пространнѣй и широкѣй путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“¹⁾; но протестанство, съ его холоднымъ формализмомъ, не надолго удовлетворило ихъ, и лишь только возникло болѣе радикальное антитринитаріанство, волинцы съ такою же охотою ринулись въ пространнѣй и широкѣй путь новаго ученія. Извѣстный московскій выходець князь Андрей Курбскій, жившій здѣсь съ 1564 по 1586 г., съ прискорбіемъ признавался, что въ его время язвою этого ученія была заражена мало не вся Волынь.²⁾ Проповѣдь антитринитаріанства одновременно направлялась сюда съ двухъ сторонъ: съ Литвы и Польши. Съ литовской Руси новое ученіе было принесено сюда, между прочимъ, извѣстными уже намъ Ѳеодосіанами, а около 1575 года мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ. Последній

*) См. «Кіевская Старина», апрѣль, стр. 25—57.

¹⁾ Сказанія князя Курбскаго, I, 84.

²⁾ Тамъ же, II, 224.

нашелъ здѣсь пріютъ и покровительство въ домѣ знатнаго пана Кадьяна *Чаплича-Шпановскаго*, потомка старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей на Волыни громадными имѣніями; а Феодосій Косой жилъ у какого-то другаго волынскаго пана. Изъ переписки князя Курбскаго съ Чапличемъ видно, что послѣдній сильно склонился въ сторону антитринитаріанскихъ мнѣній и, бывая въ гостяхъ или на сѣздахъ въ обществѣ волынскихъ пановъ, любилъ заводить вольнодумныя бесѣды, состоявшія въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за ихъ корыстолюбіе и сластолюбіе, въ не уважительныхъ отзывахъ о твореніяхъ св. отцевъ и т. под. Бесѣды эти велись „съ жартами и путками“, чаще всего за веселой пирушкой, съ кубками мальвазіи въ рукахъ.¹⁾ Встрѣчаясь съ Курбскимъ, Чапличъ вступалъ съ нимъ въ жаркіе споры по религіознымъ вопросамъ; такъ однажды они сразились въ домѣ родственника Чаплича, волынскаго воеводы князя Богуша Корецкаго, между прочимъ по поводу того, что Курбскій называлъ Лютера лженорокомъ. Кромѣ личнаго раздраженія между противниками, споры эти не приводили ни къ какимъ другимъ результатамъ. такъ какъ исходные пункты аргументаціи той и другой стороны были совершенно различны: въ то время, какъ Курбскій въ подтвержденіе своихъ мнѣній любилъ преимущественно ссылаться на отцевъ церкви и постановленія вселенскихъ соборовъ, Чапличъ совсѣмъ отвергалъ авторитетъ церковнаго преданія и опирался въ своихъ преніяхъ единственно на словахъ свящ. писанія, или же приводилъ свидѣтельства „инославныхъ“, т. е. антитринитаріанскихъ или вообще протестантскихъ богослововъ. Въ одномъ лишь случаѣ Курбскій не находилъ что возразить своему противнику: это—когда Чапличъ указывалъ ему на корыстолюбіе и вообще безразветвенную жизнь тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ и монаховъ: „Нехай имъ Богъ судить, говорилъ онъ, а не азъ: бо маю и свое бремя грѣховъ тяжкое, о немъ же ссмъ повиненъ отвѣтъ дати праведному Судіи“. Одновременно съ Кадьяномъ Чапличемъ жилъ на Волыни и другой Чапличъ, можетъ быть братъ перваго, котораго соцініанскіе писатели называ-

¹⁾ Сказ. кн. Курбскаго, I, стр. 183—190.

ють патрономъ антитринитаріанской секты: то былъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій, сначала войскій луцкій, а потомъ капітелянъ кіевскій. Онъ пользовался репутаціею образованнаго человѣка и знающаго юриста и потому былъ выбранъ въ 1589 году депутатомъ отъ воеводства волынскаго въ комисію для исправленія статута, „яко человѣкъ до того годный и права умѣтный“¹⁾. Замѣтимъ, что съ этихъ двухъ лицъ начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, съ которыми мы еще встрѣтимся позже.

Кромѣ Игнація и Косого, въ письмахъ Курбскаго сообщаются свѣдѣнія еще объ одномъ волыцкомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства—*Мотовило*, который служилъ у князя Константина Острожскаго и пользовался его благосклонностію. Изъ характеристики его ученія, сдѣланной Курбскимъ, видно, что этотъ Мотовило, по происхожденію очевидно южнорусь, принадлежалъ къ партіи чистыхъ антитринитаріевъ. Онъ отвергалъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и полагалъ начало бытія Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его и посмѣиваясь надъ ними; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался нѣкоторыхъ полужидовствующихъ мнѣній, напр. о томъ, что Христосъ еще прійдетъ на землю и установитъ тысячелѣтнее царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть, пить и веселиться подъ лозами виноградными. По всему видно, что, независимо отъ своихъ еретическихъ вѣрованій, Мотовило былъ знающій и образованный человѣкъ, и князь Острожскій пользовался услугами его, какъ писателя. Такъ, когда въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ посвященную князю Острожскому книгу „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ папствомъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства“, въ которой излагался прозвѣтъ уніи, то Мотовило, по желанію князя, написалъ ся опроверженіе. Сочиненіе Мотовила было одобрено княземъ Острожскимъ и онъ послалъ экземпляръ его строгому ревнителю православія князю Курбскому въ подарокъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе: „Я уже не могу попятя, отвѣчалъ онъ князю: откуда припла вашему величеству мысль

¹⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. II, т. I, 32.

прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ Христа, вѣрнѣе сказать помощникомъ и прямымъ слугою антихриста! О бѣда, достойная плача! О горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость („студлицію“) вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе, этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять церковь Божию и велятъ имъ писать книги противъ полувѣрныхъ латинянъ. О слѣпота и безуміе! Кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго асида дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается вѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставять защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго, Фотина и Арія... Государь мой возлюбленный! И ты еще не стыдись дружитья и имѣть общеніе съ подобными людьми! Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ, которые запрецаютъ вѣрнымъ имѣть общеніе съ еретиками, какъ врагами Божиими“. ¹⁾ Таковъ былъ взглядъ сѣвернорусса Курбскаго на отношенія къ еретикамъ-иновѣрцамъ. Но князь Острожскій всеѣмъ не раздѣлялъ этого взгляда. Не смотря на мольбы и убѣжденія Курбскаго, онъ не прекращалъ сношеній съ антиринитаріями и продолжалъ пользоваться ихъ литературными услугами; такъ извѣстный „Апокрисисъ“ Христофора Филалета (псевдонимъ), изданный въ защиту православнаго брестскаго собора 1596 года противъ книги іезуита Скарги о томъ же соборѣ, по свидѣтельству латино-уніатскихъ и частью нѣкоторыхъ православныхъ писателей, былъ составленъ антиринитаріемъ Христофоромъ Бронскимъ, ²⁾ за что князь Острожскій подарилъ автору одно изъ своихъ многочисленныхъ имѣній на Волыни. Того же взгляда держались и другіе южнорусскіе паны, какъ православные, такъ и католики, цѣнившіе въ иновѣрцахъ прежде всего образованныхъ людей и поручавшіе имъ не рѣдко даже воспитаніе своихъ дѣтей. Извѣст-

¹⁾ Сказанія Курбскаго, II, 216—226.

²⁾ Обстоятельныя соображенія объ авторѣ «Апокрисиса» см. въ ст. С. Т. Голубева «Библиографическія замѣтки о вѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ княгахъ» въ Трудахъ К. Дух. Академіи, 1876 г., февраль.

ный своею преданностію католицизму канцлеръ коронный Янъ Замайскій приглашалъ для основанной имъ въ Замостьи академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій и въ числѣ ихъ—антитринитаріевъ. Даже православныя братства приглашали иногда преподавателями въ свои школы иновѣрцевъ, какъ поступило напр. виленское братство, получившее за это упрекъ со стороны членовъ братства львовскаго.

Впрочемъ, что касается личныхъ отношеній князя Константина Острожскаго къ соцініанамъ, то не одинъ Курбскій находилъ эти отношенія непопустительно-дружественными. Сами соцініанскіе писатели считали князя Острожскаго покровителемъ и даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты,¹⁾ и на этомъ основаніи одинъ изъ писателей—соцініанъ Эразмъ Отвиновскій посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій.²⁾ Конечно, князь Острожскій не могъ раздѣлять основныхъ соцініанскихъ догматовъ, ибо они рѣзко противорѣчили его православнымъ убѣжденіямъ; но что онъ очень благоволилъ къ соцініанамъ и симпатизировалъ имъ преимущественно предъ другими протестантами, къ которымъ вообще онъ былъ расположенъ,—это фактъ несомнѣнный. Я не стану ссылаться на близкое родство Острожскаго съ извѣстнымъ патрономъ соцініанской секты въ Литвѣ, Яномъ Кипкой, женатымъ на его дочери, а укажу на одно письмо къ нему епископа владимірскаго Ипатія Потѣя отъ 25 марта 1595 года. Изъ этого письма видно, что князь Острожскій упрекалъ православныхъ іерарховъ въ томъ, что они не заботятся о просвѣщеніи церковномъ, что неоднократно постановленія соборовъ объ открытіи въ югозападной Руси школъ, типографій и проч. не приводятся ими въ исполненіе, и

¹⁾ Въ одномъ апологетическомъ соцініанскомъ сочиненіи, въ которомъ достоинство и заслуги секты доказываются перечисленіемъ наиболѣе знатныхъ ея послѣдователей изъ числа польско-литовскаго и южнорусскаго дворянства, о князѣ Острожскомъ говорится такъ: *Quin et Constantinus dux in Ostrog, palatinus Kyoviensis, et Romanus Hoyski, dominus in Hoszcza, castellanus Kyoviensis, capitaneus Yolodimiriensis, quamvis religionein unitariam (quam in corde amplectebantur), aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt* (Biblioth. Antitrinitariorum, p. 283).

²⁾ Ibid., p. 83. Это были притчи Христовы, изложенныя польскими стихами.

наконецъ съ укоризной указывалъ имъ на примѣръ иновѣрцевъ и именно *социніанъ*, у которыхъ есть и школы, и типографіи, и хорошіе проповѣдники. Что Острожскій указывалъ православнымъ именно на порядки социніанъ, видно изъ отвѣта Поцѣя, видимо задѣтато за живое этимъ сопоставленіемъ: „А што ми ваша милость рачишь залѣцати порядокъ иновѣрцовъ, хотя бы былъ найлѣпшій, але коли не на правомъ фундаментѣ, все тое за смѣтѣ стоить—и школы ихъ, и друкарни, и множество казнодѣвѣвъ (проповѣдниковъ). Бо ежели сами суть неприятельми Сына Божого, певно и овощи тые не суть приятны Богу, и все будованье ихъ якъ на песку, а не на мощной опощѣ (скалѣ), которая есть Христось Сынъ Божій, Богъ и человекъ правдивый, не сотворенный, але предъ всѣми вѣки зъ Бога урожоный... Кто такового исповѣданя вѣры не маеть, не на каменю, але на песку и на сѣнѣхъ будетъ, водлугъ оныхъ словъ: „Хвалы Моее никому не дамъ“, а они мовять, яко даль ее человекъ—Христу, зъ Марыи дѣвицы нарожденому, и учинилъ его другимъ по себѣ Богомъ. А такъ не зазрю (не завидую) я имъ того ихъ порядку: бо гдыбъ еще ся тая трутизна тымъ медомъ не осолодила, певне бы ото тые убогіе мухи на неи не льнули. Отожь якъ самъ о нихъ не благоволю, такъ и вашу милость перестерегаю: лѣпшій згожатися зъ правдивыми хвалцами Бога в Троици Единого, а нижли зъ блюзвирцами и явными неприятельми Сына Божого; лѣпшій зъ отцами святыми, а нижли зъ Арыемъ проклятымъ... То для того до валои милости пишу, же (что) ми ся не подѣбають овые присмаки, которые ваша милость у нихъ (*социніанъ*) упатруешъ, и не помалу ми ся сердце ужасаетъ, слыпачи то отъ вашей милости. Але маю я надѣю в милосердію Божомъ, илѣ Онъ самъ якъ почаль, такъ и до конца вашу милость стеречи будетъ, абы ся не образилъ о тотъ камень не толко сумненя (совѣсти) своего, але и ноги своее“¹⁾.

¹⁾ Акты Зал. Россіи, т. IV, № 93. Достоинно замѣчанія, какъ современники князя Конст. Острожскаго разнорѣчиво понимали его релігіозныя убѣжденія. Тогда какъ Курбскій и Поцѣй склонны были подозрѣвать его въ наклонности къ социніанству, другой ревнитель православія, Іоаннъ Вишенскій, уже послѣ смерти князя, считалъ его чуть-ли не явнымъ католикомъ. Вотъ какъ овъ отзывался о немъ въ своихъ окружающихъ посланіяхъ: »И чымъ же ся прославилъ Конетянтянъ Острож-

И такъ, вотъ изъ-за чего князь Острожскій симпатизировалъ соцініанамъ и что ему особенно нравилось у нихъ: это—ихъ школы, типографіи и хороніе проповѣдники. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ славились соцініане и превосходили въ этомъ отношеніи даже протестантовъ. Но спрашивается: гдѣ видѣлъ эти порядки соцініанскихъ общинъ князь Острожскій? Неужели только въ Польщѣ или въ Литвѣ? Но то были слишкомъ далекіе примѣры для волынскихъ іерарховъ; между тѣмъ въ указаніи князя какъ-бы слышится ссылка на такіе образцы для подражанія, которые находятся у каждаго предъ глазами. Поэтому невольно возникаетъ предположеніе: не было-ли въ то время соцініанскихъ общинъ на самой Волыни? Если, по свидѣтельству Курбскаго, еще въ 60-хъ годахъ XVI вѣка мало не вся Волынь была заражена антитринитаріанскимъ ученіемъ, то невозможно предположить, чтобы въ теченіе послѣдующихъ 20—30-ти лѣтъ послѣдователи этого ученія не организовались въ правильныя общины и не имѣли молитвенныхъ домовъ. Въ 1599 году уніатскіе священники луцкой соборной церкви жаловались въ судъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій владимірскій и вмѣстѣ слуга князя Константина Острожскаго, отнялъ церковное имѣніе с. Водырады (луцкаго у. волынск. губ.) и, будучи самъ аріаниномъ т. е. соцініаниномъ, опустошилъ находившуюся тамъ церковь: утварь церковную, книги, звоны и образа „побралъ и поповалъ и хвалу божую въ нивечь обернулъ“, т. е. обратилъ ее въ молитвенный соцініанскій домъ¹⁾. Если въ 1599 г. волынскіе соцініане пріобрѣтали такіе дома даже путемъ насилія, то раньше они могли просто строить ихъ, или пріобрѣтать инымъ мирнымъ путемъ. А разъ соцініанскія общины на Волыни имѣли молитвенные дома, необходимо допустить, что у нихъ были и школы. Правда, первое опредѣлительное указаніе о существованіи здѣсь соцініанскихъ школъ мы встрѣчаемъ лишь около 1614 года, но это не исключаетъ возможности предполагать, что онѣ существовали на

скій, который простоту христіанскую отбѣгъ и хитрость мірскую папешской вѣры, яко цацку престелную, узавягилъ? Не скоро-ля исчезъ и пропавъ? А чомъ плода по собѣ не оставилъ? Для того, ижъ христіанство стратилъ». Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 217.

¹⁾ Книга К. Центрального Архива гродская луцкая 1599 г., л. 442.

Волини и раньше, еще въ XVI столѣтіи. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію надѣмся найти въ слѣдующемъ обстоятельстве. Недавно въ одномъ изъ кievскихъ монастырей найдена рукопись, заключающая въ себѣ малорусскій переводъ всего Новаго Завѣта. По внимательномъ разсмотрѣніи текста и многочисленныхъ примѣчаній къ нему, сдѣланныхъ переводчикомъ, а равно изъ составленнаго имъ обстоятельнаго предисловія, стало яснымъ, что переводъ сдѣлалъ въ духѣ социніанскаго вѣроученія и оригиналомъ для него послужилъ, какъ кажется, польскій социніанскій же переводъ Мартина Чеховича, изданный въ Раковѣ въ 1577 году, хотя малорусскій переводчикъ и увѣряетъ, что онъ сверхъ того имѣлъ подъ рукою старинные греческіе и латинскіе тексты. Имя этого переводчика—*Валентинъ Негалевскій*, а совершилъ онъ свой замѣчательный трудъ въ 1581 году, въ с. Хорошовѣ, нынѣ острожскаго уѣзда волинской губерніи. По всему видно, что этотъ Негалевскій, очевидно южнорусскій дворянинъ, былъ очень образованный человѣкъ, знавшій хорошо латинскій и греческій языки и знакомый съ правилами библейской экзегетики и научными критическими приемами. Но при всемъ этомъ трудно повѣрить, чтобы такой важный трудъ, какъ переводъ всего Новаго Завѣта, могъ быть предпринятъ однимъ лицомъ и притомъ заброшеннымъ въ какое-то глухое и малоизвѣстное село на Волини. Въ своемъ предисловіи „до ласкавого чителника“ самъ Негалевскій, упоминая о трудности предпринятаго имъ дѣла, говоритъ, что онъ „не самъ з своєю властною хути“, полагаясь лишь на „розумъ свой и умиетность“ отважился „съ польского языка на речъ рускую писма нашого нового тестаменту переложити, а учинилъ то за намовою и напомниманемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ а слово Божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеють, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣють“. Признавая за своимъ трудомъ извѣстную степень несовершенства, вслѣдствіе трудности самаго дѣла, онъ отдаетъ свою „праду на розсудокъ иншихъ, ученшихъ од мене людей“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что во время Негалевскаго на Волини было уже много его единовѣрцевъ-социніанъ, не знавшихъ другаго языка, кромѣ южнорусскаго, по просьбамъ и настояніямъ которыхъ былъ предпринятъ и самый переводъ Новаго Завѣта; а во вторыхъ, что

переводчикъ, какъ образованный соцініанинъ, былъ здѣсь далеко не одинокъ: при немъ должны были находиться способные и образованные помощники, на судъ которыхъ онъ отдавалъ свою „работу“; ибо только въ кружкѣ такихъ лицъ могла зародиться и быть приведена въ исполненіе смѣлая идея перевода на мало выработанный тогда въ литературномъ отношеніи малорусскій языкъ всего Новаго Завѣта¹⁾. А такую коллегію ученыхъ соцініанъ трудно и представить въ с. Хорошовѣ иначе, какъ въ роли учителей долженствовавшей находиться тамъ или гдѣ-либо по близости соцініанской школы. Объ этомъ можно заключать отчасти изъ того, что Хорошовъ состоялъ тогда въ числѣ имѣній богатыхъ южнорусскихъ пановъ Сенютъ - Ляховецкихъ, которые становятся извѣстны въ началѣ XVII в., какъ ревностные покровители соцініанской секты, создавшіе для нея видный центръ на Волыни въ своей резиденціи мѣст. Лиховцахъ, недалеко отъ Хорошова.

Такимъ образомъ въ новооткрытомъ малорусскомъ переводѣ евангелія мы имѣемъ новый литературный памятникъ соцініанской

¹⁾ Нужно замѣтить, впрочемъ, что малорусскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. Негалевскимъ, представляетъ далеко не первый и не единственный опытъ въ этомъ родѣ. Со времени изданій доктора Скоріяны, мысль о переводѣ священныхъ книгъ на общенародный языкъ никогда не умирала въ югозападной Руси. Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568 г. «Учительному Евангелію», сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу «вырозумѣня ради простыхъ людей», на «простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. А раньше его въ 1556—1561 гг. пересолницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное четвероевангеліе «на мову русскую изъ языка болгарского», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту малорусскую рѣчь, какою говорили въ то время. Переводъ этотъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужбенаго употребленія (См. «Описаніе пересолницкой рукописи XVI в.» въ «Трудахъ III Археологическаго Съѣзда» 1874 г.). А спустя лѣтъ двадцать, около 1580 г., т. е. въ то самое время, когда Негалевскій трудился надъ своимъ переводомъ, какое-то малорусское евангеліе было даже напечатано, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василя Тяпинскаго (Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 475). Кромѣ того намъ извѣстны указанія о существованіи двухъ рукописныхъ южнорусскихъ переводовъ евангелія — въ рукописномъ отдѣлѣ виленской публичной бібліотеки и въ Москвѣ, въ бібліотекѣ Румянцевскаго Музея. Последняя находка рукописи Негалевскаго даетъ основаніе думать, что періодъ подобнахъ открытій у насъ далеко еще не законченъ.

пропаганды въ средѣ южнорусскаго населенія. Что переводчикъ имѣлъ въ виду и православныхъ читателей, видно изъ того, что кромѣ дѣленія текста на главы, онъ удержалъ и церковное дѣленіе по зачаламъ. Изъ надписей же, сохранившихся въ рукописи, видно, что она преимущественно ходила по рукамъ православнаго духовенства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги почеркомъ XVI в. собственноручно подписался какой-то „Леонтей, недостойный презвѣтер“; въ другомъ мѣстѣ нетвердой рукою можетъ быть малолѣтняго школьника XVI в. написано: „попова книга; молвлю я то, що попова Гапонова“. Есть также подпись конца XVI или начала XVII вв. какого-то „раба Божія Леонтія Сидоровича“, очевидно грамотѣя—мѣщанина; и наконецъ въ 1610 г. въ книгѣ своеручно росписался—„Гавриел Крутневичъ, козакъ запорожскій, мешкающий в Каневѣ“.

Чтобы покончить съ XVI вѣкомъ, намъ остается замѣтить, что какъ въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ, такъ и на Волыни, въ этомъ столѣтіи было распространено раньше антитринитаріанство крайняго или полужидовствующаго направленія, но къ началу XVII вѣка оно и здѣсь смѣнилось чистымъ социніанскимъ ученіемъ. Въ трудѣ Негалевскаго видно уже вліяніе Ракова: мы упомянули, что оригиналомъ для нашего переводчика послужилъ только что напечатанный тогда въ Раковѣ польскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Мартиномъ Чеховичемъ, который въ то время успѣлъ перейти на сторону мнѣній Фавста Социна. Но подобно тому, какъ въ самой Польшѣ происходила еще тогда борьба между различными антитринитаріанскими партіями и направленіями, такъ и на Волыни антитринитаріанство не сразу организовалось въ особую секту, и долго еще представляло какъ-бы особый видъ религіознаго вольнодумства, въ которомъ заключались въ смѣшанномъ видѣ элементы антитринитаріанскаго раціонализма, полужидовства, кальвинизма и др. Это былъ своего рода „духъ времени“, которымъ тогда проникались въ той или другой степени образованные люди независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или иному исповѣданію. Объ извѣстномъ униатскомъ митрополитѣ Іпатіѣ Поцѣфѣ рассказывали тогда, что онъ въ молодости „всѣхъ вѣрѣ спробовалъ“: былъ кальвинистомъ, потомъ сталъ *аріаниномъ* и наконецъ „и жидовской вѣрѣ не хибилъ“ т. е. былъ послѣдователемъ

полужидовствующаго антиринитаріанства въ духѣ, можетъ быть, ученія ѳеодосіанъ¹⁾). Изъ письма князя Курбскаго къ волынскому пану Василю Древинскому видно, что этотъ несомнѣнно православный человекъ, отецъ знаменитаго впоследствии защитника православія Лаврентія Древинскаго, возбуждалъ въ глазахъ Курбскаго сильное подозрѣніе относительно склонности его къ антиринитаріанскимъ мнѣніямъ²⁾ Известный православный учитель и проповѣдникъ Стефанъ Зизаній неоднократно былъ обвиняемъ въ той-же склонности къ аріанскимъ мнѣніямъ и даже подвергся однажды со стороны митрополита Михаила Рагозы церковному отлученію за то между прочимъ, будто онъ, вмѣстѣ съ антиринитаріями, не признавалъ Іисуса Христа ходатаемъ. Наконецъ, въ такомъ-же смыслѣ можно понимать и свидѣтельства соцініанскихъ писателей о князѣ Константиѣ Острожскомъ и старостѣ владимірскомъ Романѣ Гойскомъ, какъ о скрытыхъ послѣдователяхъ ихъ секты. На такомъ-же, вѣроятно, основаніи соцініане включали въ свои ряды воеводу волынскаго князя Януша Заславскаго, который, отступивъ отъ вѣры своихъ православныхъ предковъ, послѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ колебаній, подъ вліяніемъ іезуита Нагаюса принялъ въ 1603 г. католичество; а также князя Владислава Збаражскаго, владѣльца мѣст. Волощиць (нынѣ Волочискъ, староконст. уѣзда, на австрійской границѣ), православнаго ренегата, подобнаго князю Заславскому,³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если всѣ подобныя лица могли, хотя временно, увлекаться идеями антиринитаризма, то скорѣе ихъ манилъ въ себѣ соцініанскій рационализмъ, нежели, напр., грубыя измышленія невѣжественныхъ ѳеодосіанъ. Послѣдніе, не смотря на проживательство на Волыни самого ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ, имѣли здѣсь наименьшій успѣхъ. Патронъ Игнатія Кадьянъ Чапличъ, какъ мы видѣли, энергично отстаивалъ въ спорахъ съ Курбскимъ авторитетъ Лютера и ссылаясь на какихъ-то „инославныхъ“ богослововъ;

¹⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 209. Опровергая эти толки, Потѣй, однако, не отрицаетъ того, что одно время онъ дѣйствительно былъ кальвинистомъ.

²⁾ Сказанія Курбскаго, II, 209--211.

³⁾ У соцініанствѣ князей Заславскаго и Збаражскаго — см. Bibliotheca Antitrinitaria, p. 284.

а его внуки выступаютъ уже какъ чистые социніане. Дальше всего ученіе ѳеодосіанъ удержалось въ сосѣдствѣ съ Волинью Полѣсьи, куда оно было занесено, быть можетъ, самимъ Игнатіемъ. Здѣсь представителемъ ѳеодосіанскихъ идей является нѣкто Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ мозырскаго маршалка Стефана Лозки, онъ въ 1591 году былъ позванъ въ трибунальскій судъ за то, что отрицалъ таинство св. Троицы, божество Иисуса Христа и св. Духа и вообще хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь¹⁾. Здѣсь мы видимъ религиозное вольномысліе, доведенное до самой крайней степени отриванія, до котораго оно не доходило ни у одного изъ антитринитаріанскихъ учителей, но почти доходило у ѳеодосія Косого и его дружины.

VIII

Первая четверть XVII ст. была временемъ высшаго процвѣтанія социніанской секты, какъ вообще во всемъ королевствѣ польскомъ, такъ и въ частности на Волини. Здѣсь въ это время возникаетъ рядъ социніанскихъ общинъ, съ школами и знаменитыми учителями и проповѣдниками. Секта приобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей и покровителей среди южнорусскихъ пановъ, представителей весьма извѣстныхъ фамилій. Первое мѣсто среди такихъ патроновъ безспорно принадлежало фамиліи дворянъ *Чапличей-Шпановскихъ*. Сынъ извѣстнаго уже намъ Кадьяна Чаплича, ѳеодоръ, судья земскій луцкій, былъ человекъ православный. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и вмѣстѣ съ другими православными волинскими депутатами подписалъ соборный протестъ противъ дѣйствій представителей уніатской партіи.²⁾ Но изъ четырехъ его сыновей старшіе два Мартинъ и Юрій являются ревностнѣйшими послѣдователями социніанской секты. Можно пред-

¹⁾ Чтенія въ Императ. Моск. Общ. исторіи и Древн. росе., 1846 г., № 1, стр. 11.

²⁾ Архивъ Юсепан. Россіи, т. I часть 1-я, стр. 516.

полагать, что они учились въ открытой не задолго предъ тѣмъ раковской социніанской академіи; но крайней мѣрѣ уже въ ранней молодости они состояли въ связи съ выдающимися представителями социніанства и исполняли важныя порученія въ интересахъ секты. Въ 1612 году польскіе социніане повторили одну изъ многочисленныхъ, хотя и безуспѣшныхъ, попытокъ къ религіозному соглашенію съ кальвинистами. Они прислали на бывший въ томъ году въ г. Червцѣ реформатскій синодъ свои условія, на которыхъ были готовы вступить въ унию. Для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ со стороны социніанъ прибыли на синодъ ихъ уполномоченные, въ числѣ коихъ, на ряду съ такими лицами, каковы: владѣлецъ Ракова Якубъ Сѣвинскій, Кристофъ Морштынъ, Станиславъ Любенецкій и др., встрѣчаются и наши волинцы Мартинъ и Юрій Чапличи-Шпановскіе.¹⁾ Этотъ случай ясно показываетъ, какою извѣстностью и довѣрjemъ въ сектѣ пользовались уже въ то время молодые Чапличи.

Вступивъ по смерти отца во владѣніе богатѣйшими имѣніями на Волинѣ, Чапличи не замедлили воспользоваться своимъ состояніемъ, чтобы принести наибольшую пользу дѣлу социніанства, и съ жаромъ принялись за насажденіе и распространеніе секты въ своей родинѣ. Особенной энергіей въ этомъ отношеніи отличался въ теченіе всей своей жизни младшій братъ, Юрій, владѣлецъ Шпанова, Киселина и многихъ другихъ богатыхъ помѣстій. Онъ основалъ въ своей резиденціи мѣст. *Киселинъ*²⁾ социніанскую общину, построилъ для нея богатый каменный храмъ, обращенный впоследствии въ католическій костелъ, и завелъ школу. Однимъ изъ первыхъ пасторовъ киселинской общины былъ южноруссъ Матвѣй Твердохлѣбъ, около 30 лѣтъ занимавшій эту должность. Скоро послѣ того, именно около 1614 года, въ Киселинѣ было открыто Чапличемъ высшее социніанское училище, первымъ ректоромъ котораго состоялъ весьма долгое время волинскій дворянинъ Евстафій Кисель. Это былъ ученый и хорошо знавшій языки человекъ, занимавшійся и литературными трудами. Такъ онъ перевелъ на греческій языкъ извѣстную книгу Фомы Кемпійскаго „О подражаніи

¹⁾ Lukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 270.

²⁾ Владиміро-волинскаго уѣзда, волинск. губерніи.

Христу* и напечатать свой трудъ въ 1626 г. во Франкфуртъ на Одрѣ; а въ 1631 году, скоро послѣ выхода въ свѣтъ изданной Мелетіемъ Смотрицкимъ „Апологиа“, въ которой послѣдній упрекалъ православную церковь и ея представителей въ сочувствіи къ ученію протестантовъ и другихъ еретиковъ, тотъ-же Евстафій Кисель, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологию“, направленную противъ книги Смотрицкаго¹⁾. Этотъ фактъ всего лучше обрисовываетъ тогдашнія отношенія между православными и социніанами. Изъ преемниковъ Евстафія Киселя по ректорству въ киселинской школѣ сохранились имена: Людвигъ Hollaisen, Петра Стермана и Теодора Симонида (иначе называвшагося Филиппъ Cosmius), родомъ изъ Голлгитини, написавшаго какое-то сочиненіе о царствѣ²⁾. Въ то-же время братъ Юрія, Мартинъ Чапличъ, основалъ социніанскую общину въ своемъ имѣніи *Берескъ*, неподалеку отъ Киселина, гдѣ также была устроена социніанская школа, хотя и ниже киселинской. Можно предполагать, что социніанскія общины были и въ другихъ имѣніяхъ Чапличей, напр. въ *Галичангахъ*, гдѣ подобная община встрѣчается впоследствии. Въ той-же мѣстности (въ теперешнемъ владимірѣ-волинск. уѣздѣ) проживалъ еще одинъ социніанскій патронъ, земскій владимірскій судья Гавріилъ *Иваничкий*, въ имѣніи котораго с. *Иваничгахъ* также существовала община социніанская съ молельней.

Другой центральный пунктъ социніанства на Волыни находился въ нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ, въ м. *Гоць*. Владѣльцы этого мѣстечка, Гавріилъ Гойскій, каптелянъ кievскій, и его братъ Романъ, были лица православныя, но подобно князю Острожскому покровительственно относились къ социніанамъ, особенно Романъ, староста владимірскій, котораго социніанскіе писатели включали наравнѣ съ кн. Острожскимъ въ число тайныхъ послѣдователей секты. Въ Гоць съ самаго начала XVII (а можетъ быть даже съ конца XVI) столѣтія прочно утвердились социніане и завели здѣсь свои школы, подобныя киселинской, существовавшія до 1639 года. Изъ профессоровъ этихъ школъ извѣстны: Теофилъ Молиторъ, Да-

¹⁾ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143.

²⁾ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143. — Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 227.

ингль Dugossius, Войтехъ Caregius и славный докторъ медицины Соломонъ Палюдіусъ ¹⁾). А недалеко отъ Гоци, въ с. *Бабинь*, жилъ панъ Василій *Бабинскій*, который, изъ православія перейдя въ соцініанство, отобралъ старожитную православную церковь въ с. *Бабинь*, въ которой были погребены тѣла его предковъ, и обратилъ ее въ молитвенный домъ для своихъ единовѣрцевъ ²⁾). Тамъ-же неподалеку лежали помѣстья какого-то п. *Яюдинскаго*, соцініанина, на котораго въ 1639 году была подана жалоба, что оны съ кощунственною цѣлью приказалъ подрубить крестъ съ распятіемъ, стоявшій на выгонѣ м. Гоци ³⁾).

Въ томъ-же нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ волынск. губ. находился третій выдающійся центръ соцініанскій, именно м. *Ляховцы*. Здѣсь еще во 2-й половинѣ XVI в. утвердились протестанты, какими были и владѣльцы мѣстечка паны *Сенюты*, представители старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными помѣстьями въ повѣтахъ лужкомъ и кременецкомъ. Одинъ изъ нихъ, именно Павель-Крыштофъ Сенюта, принявъ католицизмъ, выгналъ изъ Ляховцевъ протестантовъ и началъ въ 1612 г. строить костелъ доминиканскій. Отправившись за тѣмъ съ паломническою цѣлью въ Римъ, Сенюта вернулся изъ-заграницы ревностнымъ соцініаниномъ, основалъ въ Ляховцахъ соцініанскую общину, пригласилъ для нея пастора и до конца жизни былъ усерднымъ покровителемъ секты. Можно думать, что обращеніе Сенюты въ соцініанство совершилось не безъ вліянія его родственника Мартина Чаплгча, женатаго на его родной сестрѣ Катеринѣ Сенютиной; при томъ же самъ Павель Сенюта былъ женатъ на Катеринѣ Немиричовнѣ, дочери кievскаго подкоморія Стефана Немирича, извѣстнаго соцініанина. Такимъ же усерднымъ покровителемъ соцініанской секты былъ и братъ Павла, Петръ Сенюта, владѣвшій на Волыни м. Каменемъ и Радогосшей, а въ Польшѣ Кобылиномъ и Зданами. Можно думать, что въ Ляховцахъ существовала и школа соцініанская. Неподалеку отъ Ляховцевъ находится с. *Тихомль*, которымъ тогда владѣлъ племянникъ Павла, Аврамъ Сенюта, также соцініанинъ.

¹⁾ Любенецкій, *Historia Reform. Polon.*, p. 276.

²⁾ Книга актовая кievскаго центр. архива 1633 года, № 2465, л. 148.

³⁾ Такая-же книга 1639 года, № 2475, л. 516.

Здѣсь на горѣ, за окопомъ, сохранилась и цонынѣ четырехугольная каменная башня или каплица, прозываемая въ народѣ *аріанскою* и служившая когда-то молитвеннымъ домомъ для тамошней социніанской общины). Наконецъ, въ той-же мѣстности лежитъ и с. *Хорошовъ*, гдѣ еще въ 1581 г. социніанинъ Негалевскій совершилъ свой малорусскій переводъ Новаго Завѣта.

Быль и еще одинъ социніанскій пунктъ на Волини—это м. *Берестечко* (дубенскаго уѣзда), принадлежавшее фамиліи южнорусскихъ князей Пронскихъ, происходившихъ изъ дома св. Владиміра. Въ 1595 г. князь Александръ Пронскій, староста луцкій, бывъ въ Римѣ, отрекся отъ прародительской „схизмы“, т. е. православія и принялъ католичество, но вернулся домой уже кальвинистомъ и отдалъ новымъ своимъ единовѣрцамъ католическій костелъ въ Берестечкѣ. При такой частой переимѣнѣ религій возможно допустить, что князь Пронскій подъ конецъ своей жизни (онъ умеръ около 1600 г.) могъ перейти и въ социніанство; по крайней мѣрѣ польскіе писатели упоминаютъ о какихъ-то князьяхъ Пронскихъ, какъ о социніанахъ¹⁾. Но то несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ въ Берестечкѣ находились социніане и, какъ кажется, имѣли свою общину, а можетъ быть и школу.

Мы перечислили здѣсь только болѣе выдающіеся пункты социніанской секты на Волини въ первой четверти XVII в., о которыхъ сохранились сколько нибудь опредѣленные свѣдѣнія; но нѣтъ

¹⁾ Балинскій, *Starożytna Polska*, т. II, 931. Въ мѣстномъ населеніи сохранилось слѣдующее темное воспоминаніе о Сенютахъ—социніанахъ. Въ окрестности Ляховцевъ встрѣчается множество отдѣльно разбросанныхъ кургановъ. Народъ утверждаетъ, что *«то все лежатъ Сенюты»*. Точно-ли то социніанскія могилы—объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, пока не будутъ произведены археологическія разысканія. Дѣйствительно, у социніанъ былъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, большею частію на горѣ, и насыпать надъ нѣз могилами высокіе курганы или ставить каменные башни. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одной особенноти похоронныхъ социніанскихъ обычаевъ. Въ окрестностяхъ Пянчова польскій археологъ Тадеушъ Чапскій раскопалъ нѣсколько могилъ социніанскихъ и у каждаго покойника нашелъ въ рукахъ металлическую дощечку съ надписью: «scio, cui credidi», а при боку закупоренную стеклянную бутылку, въ которую было вложено краткое жизнеописаніе умершаго. (*Starożytna Polska*, т. II, 357).

²⁾ Стецкій Тадеушъ, *Wołyń*, т. I, стр. 132.

никакого сомнѣнія, что число соцініанскихъ общинъ въ то время было здѣсь гораздо больше. При томъ же, помимо этихъ, такъ сказать, домашнихъ разсадниковъ соцініанства, Волынь продолжала подвергаться усиленному дѣйствию соцініанской пропаганды извнѣ. Не говоря о Раковѣ, куда многіе волынскіе паны посылали для образованія своихъ сыновей, существовалъ и другой, болѣе близкій къ Волыни, соцініанскій центръ: то былъ Люблинь, въ которомъ находилось высшее судебное учрежденіе для всей южной Руси, люблинскій трибуналь. Извѣстно, что южнорусскіе паны были очень большіе охотники вести нескончаемыя тяжбы, поэтому рѣдкіе изъ нихъ въ теченіе года хоть разъ не посѣщали Люблина, другіе же почти безвыѣздно проживали тамъ, навѣдываясь домой лишь въ промежутки между трибунальскими сессіями. Между тѣмъ Люблинь еще съ половины XVI в. былъ однимъ изъ главныхъ центровъ соцініанства въ Польшѣ: здѣсь существовала богатая и хорошо организованная соцініанская община, имѣвшая свой храмъ, школу и типографію; здѣсь соцініане часто собирались на свои синоды или соборы; здѣсь жили ученѣйшіе вѣроучители секты и даровитѣйшіе проповѣдники, паконецъ здѣсь то и дѣло устраивались публичныя диспуты между соцініанскими и іезуитскими богословами, нерѣдко происходившіе въ присутствіи членовъ трибунала и многочисленной массы дворянъ, сѣзжавшихся съ разныхъ мѣстъ ко дню открытія засѣданій трибунальскаго суда. Кромѣ самого Люблина, цѣлая околица въ люблинскомъ воеводствѣ, прилегавшая къ холмской землѣ, отъ Пясковъ за Красный-Ставъ и до Крупъ, почти сплошь была заселена шляхтой соцініанскаго исповѣданія; то-же можно сказать и о сосѣдней съ Волынью холмской землѣ. Наконецъ многіе изъ тамошнихъ дворянъ, усердныхъ послѣдователей и покровителей секты, каковы: Суходольскіе, Любенецкіе и др., имѣли помѣстья на Волыни и находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ здѣшнимъ дворянствомъ. По этимъ причинамъ соцініанская пропаганда широко разливалась по всей Волыни и число послѣдователей секты къ 30-мъ годамъ XVII ст. сильно увеличилось. Кромѣ перечисленныхъ уже нами лицъ, вотъ списокъ волынскихъ дворянъ того времени, о соцініанствѣ которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленные извѣстія: Адамъ Гулевичъ-Воютинскій, поборца воеводства волынскаго, и его братъ Александръ; Лине-

скій Стефанъ, судья гродскій владимірскій, и его братъ Михайль, депутатъ люблинскаго трибунала отъ воеводства волынскаго въ 1638 г.; Иваницкіе—Товія, женатый на дочери Мартина Чаплича, Теодоръ, Матвѣй и Павелъ,—сыновья извѣстнаго уже намъ подстаросты владимірскаго Гавріила Иваницкаго; Самуиль Холоневскій и Александръ Чеховичъ, жившіе въ с. Холоневъ, нынѣ владим. уѣзда волынск. губерніи; Яковъ Любенецкій, Василій Рогозинскій, Веспасіанъ Бѣневскій, Петръ Фалибовскій, Янъ Стремескій, Андрей Суходольскій, имѣнія котораго: Фусовъ, Швиголосы и Княже находились во владим. повѣтѣ, и Ярошъ Моленскій, жившій въ м. Полонной, нынѣ новградъ-волынск. уѣзда¹⁾. Секта имѣла послѣдователей не только среди дворянства, но и въ средѣ мѣщанъ болѣе значительныхъ мѣстечекъ на Волини. О мѣщанахъ м. Киселина есть основаніе думать, что они почти поголовно принадлежали къ соцініанской сектѣ; такъ въ актовыхъ книгахъ гродскаго владим. суда подъ 1643 годомъ встрѣчается декретъ по дѣлу о бурмистрахъ, мѣщанахъ и предмѣщанахъ киселинскихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они, „ничого не дбаючи на кровь хрестіянскую, сами будучи ариянское секты“, напали на прохожаго мѣщанина—„кравца“ изъ с. Затурецъ и убили его, а затѣмъ, вытащивъ за ворота мѣстечка тѣло убитаго, похоронили его „не якъ хрестіанина, але якъ якого арианина: толко трохи яму выгребши, укинули“. Кромѣ того есть извѣстіе, что значительная часть мѣщанскаго населенія мм. Гоци и Рафаловки также принадлежала къ соцініанской сектѣ; то-же самое можно сказать о мѣщанахъ мм. Ляховцевъ и Берестечка, пользовавшихся въ то время магдебургскимъ правомъ, а также м. Полоннаго и др. О соцініанствѣ мѣщанскаго населенія волынскихъ городовъ: Луцка, Владиміра, Кременца и Острога у насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній; но если секта имѣла многочисленныхъ послѣдователей среди населенія мѣстечекъ, то еще большее число она могла имѣть ихъ среди городского населенія. Въ особенности это можно предполагать относительно г. Острога, въ которомъ существовала тогда богатая реформатская община,

¹⁾ Свѣдѣнія о принадлежности всѣхъ этихъ лицъ къ соцініанской сектѣ взяты изъ соч. соцініанскаго писателя XVII в. Станислава Любенецкаго «Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate» и дополнены по даннымъ, равнымъ намъ въ актовыхъ книгахъ кievск. центрального архива.

имѣвшая здѣсь высшую школу и при ней духовную семинарію¹⁾. Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть о попыткахъ къ распространенію соцініанства на Волыни даже среди крестьянскаго населенія.

IX.

Болѣе полу столѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Польсѣ утвердилась антитринитаріанская или соцініанская секта, и за все это время она ни разу еще не подвергалась открытому преслѣдованію со стороны правительственной власти. Правда, у соцініанъ, какъ и у всѣхъ польскихъ диссидентовъ, были непримиримые враги среди сторонниковъ ультра-католической партіи въ Польсѣ и ея руководителей—іезуитовъ, съ которыми имъ приходилось вести постоянную упорную борьбу за свое существованіе; но до сихъ поръ эта борьба велась со стороны іезуитовъ такими средствами, пользовавіе которыми было доступно и для ихъ противниковъ. Большею частію іезуиты старались привлечь на свою сторону патроновъ секты, которые затѣмъ изгоняли изъ своихъ имѣній прежнихъ единовѣрцевъ, а храмы, школы и типографіи ихъ передавали католикамъ; если же это средство не удавалось, тогда они, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ помѣщиковъ-соцініанъ, сами или при посредствѣ преданныхъ лицъ покупали у нихъ имѣнія; послѣднимъ способомъ, напр., былъ отобранъ въ 1587 г. главный соцініанскій центръ того времени, Пинчовъ. Кромѣ того іезуиты громили соцініанъ въ проповѣдяхъ, безпрестанно устраивали публичные богословскіе диспуты съ ними, писали противъ нихъ полемическія сочиненія: книги, брошюры, памфлеты, не пренебрегали и пасквилями и вообще вели жаркую литературную полемику. Но всѣ эти средства не всегда достигали предполагаемой цѣли: соцініане не только не уклонялись отъ диспутовъ, а еще сами вызывали на нихъ своихъ противниковъ и не оставляли безъ надлежащаго отвѣта ни одной направленной противъ нихъ книги или брошюры. Іезуиты видѣли, что однимъ этимъ оружіемъ имъ не сломить своихъ враговъ, и повели противъ нихъ атаку съ другой стороны: они поду-

¹⁾ Стеція, Wołyń, т. I, 151.

щали своихъ студентовъ, а также городскую чернь, нападать на социніанскія общины, разрушать ихъ школы и молитвенные дома и разгонять учителей и пасторовъ. Еще въ 1598 г. подобное буйство было учинено надъ социніанами въ Краковѣ, при чемъ не мало пострадалъ самъ Фавстъ Социнъ: буйная толпа ворвалась въ его квартиру, избила его до полусмерти, разломала мебель и уничтожила его рукописи. Съ тѣхъ поръ подобныя безчинства іезуитскихъ студентовъ повторялись неоднократно и примѣнялись не къ однимъ социніанамъ, но и къ другимъ диссидентамъ: протестантамъ и православнымъ. Не было также недостатка въ подстрекательствѣ со стороны іезуитовъ польскаго правительства къ принятію какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ социніанъ; но свобода религій была такъ твердо и опредѣленно обезпечена буквой государственныхъ законовъ, что даже правительство Сигизмунда III не рѣшилось открыто нарушить ее, по крайней мѣрѣ оно нуждалось въ какомъ-либо благовидномъ предлогѣ и поводахъ къ подобному нарушенію. Такой предлогъ скоро былъ изобрѣтенъ. Въ 1627 г. іезуиты обвинили люблинскихъ социніанъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бетеліемъ, покровителемъ социніанъ, и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, считавшимся защитникомъ всѣхъ вообще гонимыхъ папистами. Послѣдовалъ грозный декретъ, которымъ люблинскіе социніане, особенно ихъ главные вожаки, присуждались къ строгимъ наказаніямъ, а ихъ община подлежала закрытію. Но студенты іезуитскаго коллегіума не стали даже дожидаться этого декрета: они еще раньше разорили до основанія социніанскую—да за одно уже съ этимъ и протестантскую—молеельню и школы въ Люблинѣ и разогнали ихъ пасторовъ и учителей.

Люблинская катастрофа не замедлила отразиться на Воляни, хотя и далеко не въ такой сильной степени. Въ томъ же 1627 г. пріоръ доминиканскаго монастыря въ м. Ляховцахъ позвалъ на судъ трибунальскій пастора тамошней социніанской общины, извѣстнаго ученаго и писателя социніанскаго, Петра Моршковскаго,¹⁾ обвиняя его въ томъ, что онъ открыто проповѣдуетъ и распро-

¹⁾ Перечень сочиненій Моршковскаго—см. въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 141.

страняеть въ Ляховцахъ „науку и секту аріанскую, приводить и наворочаетъ въ нее многихъ людей христіанскихъ, такъ *зъ религии греческое, яктъ и католицкое*“ и совершаетъ надъ ними „понураня“ (социніанское крещеніе)¹⁾. Это былъ первый случай привлеченія къ суду за пропаганду социніанства. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно окончаніе этого процесса. Кажется, однако, что Моршковскій вынужденъ былъ оставить Ляховцы; по крайней мѣрѣ около 1635 г. мы встрѣчаемъ его уже пасторомъ социніанской общины въ Крыловѣ, въ холмскомъ повѣтѣ, а затѣмъ въ Чарнковѣ, въ Познани. Удаленіе Моршковскаго, однако, не повело за собою закрытія въ Ляховцахъ общины социніанской. Намъ извѣстно, что владѣлецъ Ляховцевъ Павелъ Крыптофъ Сенюта до конца своей жизни²⁾ оставался усерднымъ социніаниномъ и умирая завѣщалъ торжественно похоронить его по социніанскому обряду и пригласить братьевъ своего исповѣданія на церемонію его погребенія.

Начавшіяся было преслѣдованія социніанъ скоро были пріостановлены. Въ 1632 г. умеръ король - фанатикъ Сигизмундъ III. Польскіе диссиденты всѣхъ исповѣданій подняли голову и задумали воспользоваться наступившимъ моментомъ безкоролья, чтобы возстановить свои права, столь часто нарушаемыя въ минувшее царствованіе. Въ громадномъ числѣ прибыли въ Варшаву на конвояціонный сеймъ депутаты православные, протестанты и социніане и, вступивъ въ соглашеніе между собою, объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, ни даже къ избранію новаго короля, раньше, чѣмъ будетъ обѣщано, что свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ будетъ обезпечена ясными законами, которые вновь избираемый король обязанъ будетъ подтвердить личною присягою. Тоже самое повторилось и на избирательномъ сеймѣ, на который отъ трехъ южнорусскихъ воеводствъ: волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго прибыло 185 депутатовъ и въ числѣ ихъ болѣе десяти человекъ однихъ социніанъ. Не смотря на отчаянное сопротивление членовъ высшаго католическаго духовенства и представителей ультра-католической партіи, требованія диссидентовъ въ общемъ были удовлетворены, при чемъ болѣе подробная выработка

¹⁾ Книга продек. лущая 1627 г., № 2453, л. 199.

²⁾ Онъ умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII ст.

требуемаго ими закона была возложена сеймомъ на особую комисію. Съ спокойнымъ сердцемъ возвращались изъ сейма социніанскіе депутаты, радуясь, что отнынѣ ихъ единовѣрцы будутъ ограждены отъ привлеченія къ суду за открытое исповѣданіе своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но радость эта была преждевременна: мѣсяць спустя въ варшавскія градскія книги была внесена манифестація ультра-католическихъ членовъ конвокаціоннаго сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, отвергающихъ божество Иисуса Христа, каковы: ариане, повокрепченцы, саббатисты и др., такъ какъ послѣдователи этихъ сектъ незаконно прикрываются именемъ христіанъ¹⁾. Тогда за социніанъ вступились сеймовые депутаты другихъ диссидентскихъ исповѣданій и внесли въ судебныя книги протестъ противъ означенной манифестаціи, въ которомъ заявляли, что такое ограниченіе смысла сеймоваго постановленія, направленное противъ одной части диссидентскаго союза (*contra certam dissidentium in religione christiana partem*), можетъ угрожать и цѣлому союзу и служить предлогомъ къ нарушенію самаго постановленія; при томъ же ограниченіе это не только сдѣлано безъ согласія сейма, но о немъ не было тамъ и рѣчи, и потому означенная манифестація, какъ выраженіе частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ, не должна имѣть никакой обязательной силы. Протестъ этотъ подписали: тогдашній предводитель протестантской партіи въ Польшѣ, литовскій гетманъ князь Крыптофъ Радзивиллъ и его единовѣрецъ Рафаиль Лѣвцидскій, воевода белзскій, а изъ южнорусскихъ социніанъ: Мартинъ Чапличъ - Шпановскій, Матвѣй Иваницкій, Василій Рогозинскій и посолъ отъ воеводства брацлавскаго Николай Ободенскій. Наконецъ подъ этимъ-же протестомъ мы находимъ подписи нѣкоторыхъ волинскихъ дворянъ, извѣстныхъ своею горячею преданностью православною вѣрѣ и энергическою защитою ея правъ и интересовъ, каковы: Лаврентій Древинскій, ловчій волинскій Юрій Пузына и князь Николай Четвертинскій²⁾.

¹⁾ Acta relationum grodu warszawskiego, 1632—1634 г., № 6, л. 982, въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

²⁾ Книга гроек. владычрская 1632 г., № 999, л. 1025.

Первые пять лѣтъ царствованія умнаго и вѣротерпимаго короля Владислава IV прошли для социніанъ совершенно спокойно, но въ слѣдующемъ году ихъ постигло страшное и неожиданное бѣдствіе, виновниками котораго были отчасти они же сами. Въ 1638 г. студенты раковской социніанской академіи, подражая на этотъ разъ студентамъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыхъ другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили камнями стоявшій за городомъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Родители и учителя поспѣшили наказать школьниковъ; но дѣло этимъ не могло окончиться. Когда вѣсть о раковскомъ происшествіи достигла Варшавы, тамъ въ это время заседалъ сеймъ. Католическое духовенство, давно уже искавшее способовъ къ искорененію главнаго гнѣзда социніанской секты, Ракова, этихъ „Авинъ Сарматскихъ“, столь вредившихъ славі и процвѣтанію школъ іезуитскихъ, воспользовалось какъ нельзя лучше представившимся къ тому случае и подняло страшный вопль на сеймѣ объ оскорбленіи Бога и королевскаго величества. Была назначена чрезвычайная коммисія для разслѣдованія происшествія на мѣстѣ, по докладу которой всѣ раковскіе пасторы и профессора были обвинены въ подущеніи школьниковъ къ преступленію. Въ апрѣлѣ 1638 г. послѣдовалъ грозный сеймовый декретъ, которому тѣсно противились не одни социніане, но и многіе изъ южнорусскихъ православныхъ депутатовъ (напр. князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій), а также протестантовъ и даже изъ либеральныхъ католиковъ. По этому декрету объявлялись навсегда закрытыми въ Раковѣ молитвенные дома, типографія и академія социніанскія, подъ угрозой взысканія 10,000 червонцевъ за всякую попытку къ ихъ возстановленію; пасторы и профессора были приговорены къ лишенію чести и удаленію изъ Ракова. Скоро послѣ того Раковъ перешелъ въ руки владѣльцевъ-католиковъ, которые совсѣмъ изгнали социніанъ и возстановили въ немъ католическое благочестіе. „Такъ разрушенъ былъ, по выраженію социніанскихъ писателей, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святые и науки!“ Съ того времени въ Раковѣ поселились евреи, скупившіе за бездѣнокъ имущество изгнанниковъ, и Раковъ, когда-то цвѣтущій городъ, видный центръ промышленности и просвѣщенія, представляетъ нынѣ жалкое, кишачное еврейми мѣстечко.

Ударъ, постигшій социнианство въ Польшѣ, не сразу отразился на Волини; напротивъ, въ первое время онъ скорѣе способствовалъ еще большому процвѣтанію здѣсь секты. Дѣло въ томъ, что социниане, лишившись своего центра въ Польшѣ, задумали снова создать его на Волини, гдѣ у нихъ было столько единовѣрцевъ и знатныхъ покровителей. Главное вниманіе было обращено на Киселинъ, въ которомъ, кажется, хотѣли создать новые „Аѳины Сарматскіе“. Здѣсь еще живъ былъ старикъ Юрій Чапличъ, съ взрослымъ сыномъ Александромъ, столь же ревностнымъ социнианиномъ, какъ и его отецъ; а въ Берескѣ, послѣ смерти Мартына Чаплича, находились его сыновья Андрей и Александръ, учившіеся за границей и подобно отцу преданные интересамъ секты. Сюда были вызваны изгнанные изъ Ракова и Люблина ученые социнианскіе пасторы и профессора: Матвѣй Твердохлѣбъ, Якубъ Гривевичъ-Гижановскій, переименовавшійся впоследствии въ Яна Трембицкаго, и Лука или Іоакимъ Рупневскій, послѣдніе оба—извѣстные социнианскіе писатели. Стараніемъ этихъ ученыхъ киселинская школа была немедленно возведена на степень *академіи*, съ открытіемъ при ней спеціальнаго богословскаго отдѣла для приготовленія социнианскихъ пасторовъ; другое ея отдѣленіе было открыто въ Берескѣ, подъ ректорствомъ Рупневскаго. Новая академія не испытывала недостатка въ учащихъся: въ нее охотно поступали дѣти не однихъ социнианъ, но и лицъ другихъ исповѣданій, привлекаемыхъ отчасти успѣхами преподаванія, веденнаго здѣсь болѣе совершеннымъ и менѣе устарѣлымъ, чѣмъ у иезуитовъ, методомъ,¹⁾ а отчасти—вѣротерпимостью, съ какою здѣсь относились къ питомцамъ другихъ вѣроисповѣданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени въ Киселинѣ появилась-бы и типографія и закипѣла-бы здѣсь прерванная раковской катастрофой научная и литературная работа... Но въ Луцкѣ сидѣлъ католическій бискупъ, а еще ближе, во Владимірѣ, плебанъ и деканъ Станиславъ Урбано-

¹⁾ Stecki T., Wołyn, I, 152. Отдавая должное достоинству преподаванія въ социнианскихъ школахъ, авторъ, однако, замѣчаетъ, что и социнианскія школы не были свободны отъ общихъ недостатковъ схоластической эпохи: въ нихъ такъ-же, какъ и въ иезуитскихъ коллегіяхъ, ученики «*panegiryzowali, pracowali i na tym podobnych bredniach większą część czasu marnowali*».

вичь. Въ 1640 г. эти духовные сановники позвали на судъ Юрія и его племянниковъ Андрея и Александра Чапличей-Шпановскихъ, обвиняя ихъ въ укrywательствѣ изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ пасторовъ и учителей, самовольномъ открытіи аріанскихъ академій и другихъ школъ „на заразу людей молодыхъ и хрестіянскихъ дѣтей“, въ устройствѣ сектантскихъ съѣздовъ или соборовъ и вообще въ распространѣніи „декретами сеймовыми и трибунальскими забороной, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую декларованой (объявленной) секты аріанской“; вмѣстѣ съ Чапличами были позваны къ суду и всѣ киселинскіе и бересцкіе „министры, предиканты, магистры и бакаляры“ социніанскіе. Кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой взывали обвинители, они сверхъ того претендовали къ обвиняемымъ о вознагражденіи „шкодь“ или убытковъ, якобы понесенныхъ ими въслѣдствіе распространенія секты въ ихъ епархіи; убытки эти они оцѣнивали ровно въ 200,000 золотыхъ польскихъ ¹⁾). Было произведено судебное слѣдствіе, которое обнаружило, что въ киселинской и бересцкой школахъ училось великое множество юношей и дѣтей разныхъ сословіи, что устраиваемые здѣсь сектантскіе съѣзды или соборы бывали необыкновенно многочисленны (случалось, что число съѣзжавшихся доходило иногда до трехъ тысячъ челоvѣкъ, собранныхъ не только изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы, но даже изъ-заграницы) и что Чапличи успѣли обратить въ ересь многихъ православныхъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ и даже *крестьянъ*, которые за это были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и работъ на помѣщика. Дѣло Чапличей тянулось четыре года и только въ 1644 г. послѣдовалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Берескѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ, при чемъ Чапличи обязаны были разрушить и самыя ихъ зданія и изгнать отсюда всѣхъ еретиковъ; сверхъ того Юрій Чапличь, признанный болѣе виновнымъ, нежели его племянники, уплатилъ въ видѣ штрафа 1000 червонцевъ, половина которыхъ была вручена обвинителямъ, и обязывался подъ угрозою лишенія чести представить на судъ киселинскихъ пасторовъ и учителей ²⁾). Но приговоръ этотъ не былъ

¹⁾ Книга земская Владнм. 1640 г., № 1209, л. 58 и 60.

²⁾ Книга главнаго трибунала люблинскаго, воев. волынскаго, 1644 г., справа 74.

приведенъ Чапличемъ въ исполненіе: школы и молебня въ Киселинѣ не были разрушены, социніане не были отсюда удалены,— да и какъ было удалить ихъ, когда мѣдана киселинскіе почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ?—наконецъ пасторы и учителя бѣжали въ другія мѣста. Поэтому Юрій Чапличъ былъ присужденъ къ инфаміи и къ вторичному штрафу въ 10,000 червонцевъ; бѣжавшіе изъ Киселина пасторы и ученые были также приговорены къ лишенію чести.

Съ тѣхъ поръ начался на Волини цѣлый рядъ социніанскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ обыкновенно по инициативѣ католическаго или униатскаго духовенства. Одновременно съ разгромомъ киселинской общины наступили трудныя времена и для социніанъ ляховецкихъ, противъ которыхъ давно уже начали войну тамошніе доминикане. Еще въ началѣ XVII ст., когда Павелъ-Крыштофъ Сенюта обратился было на короткое время въ католицизмъ, онъ пригласилъ въ Ляховцы доминиканъ и построилъ для нихъ костель, причемъ имѣлъ неосторожность внести въ свой фундушъ такое условіе, что если-бы кто изъ его наслѣдниковъ не былъ католикомъ, то всѣ имѣнія завѣдателя должны принадлежать ордену. Извѣстно, что скоро послѣ того самъ Крыштофъ Сенюта сталъ социніаниномъ, и пока онъ былъ живъ, доминикане волей-неволей мирились съ вѣроотступничествомъ его и лишь время отъ времени звали на судъ покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ пасторовъ, какъ поступили они въ 1627 г. съ Петромъ Моршковскимъ. Но въ концѣ 30-хъ годовъ XVII в. Павелъ-Крыштофъ Сенюта умеръ, а ляховецкія имѣнія перешли къ его брату Петру, также социніанину. Тогда наступили большіе и продолжительные споры и раздоры между наслѣдникомъ и доминиканцами, которые, ссылаясь на фундушъ Крыштофа Сенюты, оспаривали его наслѣдственные права и требовали, чтобы онъ принялъ католичество и изгналъ изъ Ляховцевъ сретиковъ. Сторону доминиканцевъ поддерживало высшее католическое духовенство, а за Петра Сенюту вступились волинскіе дворяне и, отправляя въ 1645 г. своихъ пословъ на варшавскій сеймъ, между прочимъ поручили имъ потребовать на сеймѣ отъ имени всего волинскаго воеводства, чтобы претензіи доминиканцевъ къ Петру Сенютѣ и послѣдовавшіе въ ихъ пользу судебные декреты по этому дѣлу были признаны недействительными, такъ какъ

фундушъ Крыштофа Сенюты не можетъ служить ограниченіемъ наслѣдственныхъ правъ его брата¹⁾. Тѣмъ временемъ доминикане не прекращали дѣлать попытки къ обращенію своего противника въ католичество и въ 1641 году имъ едва не удалось это дѣло. Въ то время Петръ Сенюта опасно заболѣлъ, и когда лѣчившіе его врачи перестали уже надѣяться на его выздоровленіе, одному всенду удалось какъ-то пробраться къ больному и поколебать его социніанскія убѣжденія. По его словамъ, Сенюта выражалъ горькія сожалѣнія объ отступничествѣ своихъ предковъ отъ католической церкви и о своихъ собственныхъ заблужденіяхъ, расказывалъ въ своей женитьбѣ на завзятой аріанкѣ,²⁾ подъ влияніемъ которой онъ и самъ изъ кальвиниста сталъ социніаниномъ, исповѣдалъ всѣ догматы католической вѣры, носилъ на груди реликвию и поручалъ душу свою заступничеству Божіей Матери и передъ образомъ ея далъ клятвенное обѣщаніе въ случаѣ выздоровленія торжественно исповѣдать въ костелѣ свое обращеніе къ католической вѣрѣ. Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ выздоровѣлъ; но когда пріоръ ляховецкаго кляштора вздумалъ навѣстить новообращеннаго, то его не пустили даже въ дворъ и пригрозили вытолкать въ шею, если онъ вздумаетъ силой проникнуть въ замокъ. А въ замкѣ Сенюты въ то время социніанскій пасторъ Цяховскій публично отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣдь въ присутствіи хозяина и его пріятелей—единовѣрцевъ: Павла Иваницкаго и какихъ-то пановъ Куроса и Вишоватаго, подъ влияніемъ которыхъ Сенюта совершенно оставилъ свое прежнее намѣреніе относительно перехода въ католицизмъ. Здѣсь же находился дядя Сенюты, каштелянъ белзскій, Андрей Фирлей, горячій протестантъ, экстренно вызванный въ Ляховцы дѣльщиками социніанами для предупрежденія грозившей опасности перехода въ католичество его племянника. Съ тѣхъ поръ Петръ Сенюта сталъ держать при себѣ уже не одного, а двухъ социніанскихъ пасторовъ, которые свободно отиравли сектантское богослуженіе и распространяли въ его имѣніяхъ свое

¹⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 309.

²⁾ Онъ былъ женатъ на полькѣ Ядвигѣ Вильямовнѣ съ Калишанъ, Nic-siecki, Herbarz Polski. VIII. 362.

ученіе; самъ же онъ гораздо дѣятельнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ патрона секты и щедро раздавалъ своимъ единовѣрцамъ земельные участки и другія бенефиціи. Обо всемъ этомъ доминикане въ томъ же 1641 г. подали въ земскій кременецкій судъ пространную жалобу¹⁾, а спустя нѣсколько времени они возбудили противъ Сенюты новое обвиненіе—въ укрывательствѣ изгнаннаго изъ Ракова ученаго социніанскаго пастора и писателя Яна Стоинскаго. Оба эти дѣла были разсмотрѣны люблинскимъ трибуналомъ и въ 1644 г. по нимъ послѣдовалъ трибунальскій декретъ, по которому социніане изгонялись изъ Ляховцевъ, пасторъ ляховецкой общины Янъ Стоинскій былъ объявленъ лишеннымъ дворянства и приговоренъ къ инфаміи, самъ же Петръ Сенюта былъ подвергнутъ штрафу въ 1500 гривенъ²⁾.

Такъ одновременно были разгромлены двѣ наиболѣе видныя социніанскія общины на Волыни, киселинская и ляховецкая. Третій выдающийся здѣсь социніанскій пунктъ, м. Гоцца, еще раньше былъ утраченъ социніанами, хотя и по другимъ причинамъ. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. умеръ ихъ покровитель, кіевскій каштелянъ Романъ Гойскій, передавъ Гоццу въ наслѣдство своей дочери Регинѣ Соломирецкой, каштелянкѣ смоленской. Новая владѣлица Гоцци оказалась горячей поборницей православной вѣры и не могла допустить дальнѣйшаго процвѣтанія здѣсь социніанства и его школъ. Для противодѣйствія имъ она осповала въ 1638 г. въ Гоццѣ монастырь св. Михаила и заложила при немъ высшую православную школу, „абы еретическіе науки пады каѳолическою религіею болше не триумфовали“. Главнымъ опекуномъ надъ этой школой она назначила кіевскаго митрополита Петра Могилу, а первыми ректорами ея были: Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ и знаменитый впоследствии ректоръ кіево-могилянской коллегіи Иннокентій Гизель. Въ слѣдующемъ 1639 г. Регина Соломирецкая выдала игумену гоцскаго монастыря отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ формальное обязательство: не позволять аріанамъ и другимъ ерети-

¹⁾ Эта жалоба, изъ которой мы заимствовали все вышесказанное, напечатана въ книгѣ Лукаевича: *Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce*, стр. 354—459.

²⁾ *Starożytna Polska*, II, 928. Архивъ Юсозан. Россіи, ч. 2, т. I, стр. 294.

камъ въ Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы и не терпѣть здѣсь мѣщанъ—послѣдователей аріанской секты; вмѣсто закрытыхъ сектантскихъ училищъ, она устроила въ Гощѣ нѣсколько первоначальныхъ православныхъ школъ, право обученія въ воихъ предоставила исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору¹⁾. Но эти строгости продолжались не долго. Спустя два года гоцское имѣніе пріобрѣлъ знаменитый Адамъ Кисель, впоследствии воевода кievскій. Хотя онъ въ преданности къ православію не уступалъ своей предшественницѣ, но въ отношеніяхъ къ соцініанству руководствовался взглядами Романа Гойскаго и другихъ образованныхъ южноруссовъ. А въ 1644 г. сосѣдъ Киселя, панъ Вильгорскій, обвинялъ его въ томъ, будто онъ „масть раду и сполную намову зъ урожонимъ паномъ Крыштофомъ Стоинскимъ, министромъ (пасторомъ) арианскимъ²⁾, котораго онъ въ маестности своей Гонци, мимо декрета трибунальскихъ, на заразу вѣры правдивое католицкое, подъ протекцією своею ховасть“³⁾. Въ этомъ извѣтѣ справедливо было только то, что Крыштофъ Стоинскій дѣйствительно одно время состоялъ слугою у Адама Киселя. Можно думать, что, благодаря вѣротерпимости новаго владѣльца, гоцскіе соцініане успѣли возстановить кое-что изъ того, что потеряли при Соломирецкой, но періодъ цвѣтущаго состоянія секты временъ Гойскаго не повторился болѣе никогда.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волыни процессы противъ соцініанъ не прекращались и секта несла все новыя и новыя потери. Въ 1646 г. были позваны на судъ двор. Веспасіанъ Бѣневскій и войтъ м. Рафаловки Данилъ Бальцеровичъ по обвиненію въ томъ, что они устроили соцініанскія общины и открыли молитвенныя собранія въ имѣніяхъ воеводы дербскаго Андрея Лещинскаго м. *Рафаловкѣ* (луцкаго уѣзда) и въ сосѣднемъ с. *Собьиннѣ* и пригласили, ревизовавшаго тогда соцініанскія общины на Волыни, па-

1) Книга гродск. луцкія: 1639 г. № 2155, л. 191, и 1640 г. № 2107.

2) Роднымъ братомъ извѣстнаго уже намъ ляховецкаго соцініанскаго пастора Яна Стоинскаго.

3) Книга гродск. Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1233.

стора Андрея Вишоватаго, совершить у нихъ богослуженіе ¹⁾). Сверхъ того, тотъ-же Веспасіанъ Бѣневскій обвинялся еще и въ томъ, что, ворвавшись въ домъ рафаловскаго священника, учинилъ поруганіе надъ св. иконами, именно — прокололъ ихъ саблею и называлъ „болванами и псами“ ²⁾). Въ томъ-же году униатскій жидичинскій архимандритъ Никифоръ Лосовскій позвалъ на судъ Андрея Чаплича за укрывательство двор. Ина Стремескаго, социніанина, приговореннаго въ 1644 г. трибунальскимъ судомъ къ ипфаміи за то, что въ бытность его арендаторомъ имѣній жидичинскаго монастыря Стремескій одну изъ монастырскихъ церквей превратилъ въ складъ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней ³⁾). Въ слѣдующемъ 1648 г. привлечены были къ суду дворяне Товія Иваницкій и Якубъ Любенецкій по обвиненію въ распространеніи аріанской секты, въ открытіи въ с. *Иваншаль* молитвеннаго дома и въ публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ осужденныхъ трибуналомъ настояровъ и проповѣдниковъ секты и наконецъ въ устройствѣ многочисленныхъ аріанскихъ сѣздовъ и соборницъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ возбужденію обвиненія послужило то обстоятельство, что иваницкіе социніане въ праздникъ Рождества совершили какое-то нарочито торжественное богослуженіе, при чемъ былъ крещенъ, посредствомъ погруженія въ прудъ, по социніанскому обряду, одинъ новообращенный знатный католикъ и похоронена въ саду жена Любенецкаго ⁴⁾). Въ томъ-же году снова подвергся суду извѣстный намъ Юрій Чапличъ за то, будто онъ разрушилъ каменный крестъ съ раслятіемъ, стоявшій при въѣздѣ въ с. Молчановъ; а спустя короткое время послѣдовала жалоба на его сына Александра за козунственные отзвымы о пресв. Богородицѣ и за нанесеніе побоевъ п. Ивану Козикѣ, который хотѣлъ удержать его отъ богохульства ⁵⁾).

¹⁾ Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2978, л. 200.

²⁾ Книга гродск. луцк. 1647 г., № 2487, л. 505.

³⁾ Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2977, л. 265.

⁴⁾ Книга гродская владимірская 1648 г., № 1016, л. 1252.

⁵⁾ Тамъ же, л. 426.

Приговоры по всёмъ этимъ дѣламъ въ точности намъ не извѣстны, такъ какъ подобныя дѣла восходили на рѣшеніе высшаго уголовнаго судилища, люблинскаго трибунала, архивъ котораго хранится нынѣ въ Варшавѣ; но эти приговоры легко угадать: то были тяжкіе денежныя штрафы, лишеніе дворянства, инфамія и банниція (т. е. лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ отечества). Въ то время польскіе клерикалы успѣли превратить трибуналъ въ послушное орудіе ихъ воли, посредствомъ котораго они щедрою рукою метали перуны на своихъ враговъ. По закону, всё дѣла, сопряженныя съ интересами католической религіи, разсматривались въ особыхъ засѣданіяхъ трибунала, называвшихся *composita iudicia* и состоявшихъ на половину изъ представителей католическаго духовенства. Но послѣдніе не стѣснялись этой пропорціей и почти всегда численно преобладали надъ свѣтскими депутатами, избираемыми по воеводствамъ¹⁾; при томъ же, если въ числѣ послѣднихъ встрѣчались лица для нихъ почему-либо неудобныя, то они подъ разными предлогами удаляли ихъ изъ состава суда; такой участи неоднократно подвергались между прочими и волынскіе депутаты-социніане, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ трибуналѣ разсматривались дѣла, касавшіяся ихъ единовѣрцевъ.

Къ чести тогдашнихъ южнорусскихъ дворянъ, безъ различія ихъ исповѣданій, нужно сказать, что всё эти религіозныя преслѣдованія, всё эти суровые приговоры клерикальнаго трибунала возбуждали въ нихъ чувства глубокаго негодованія. Не было того сейма, на которомъ южнорусскіе депутаты, отъ имени своихъ избирателей, не протестовали бы противъ фанатическихъ дѣйствій клерикальной партіи и всякій разъ настоятельно требовали, чтобы всё диссиденты были признаны въ правахъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ и содержанія школъ, чтобы прекращены были всякаго рода преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, чтобы правительство обуздало трибуналъ въ его жестокихъ приговорахъ по дѣламъ вѣры и изъяло подобныя дѣла изъ подсудности ему, передавъ ихъ на сеймы, и чтобы въ законахъ положено было строгое наказаніе тѣмъ духовнымъ особамъ, которые, подъ предлогомъ

¹⁾ См. жалобы волынскихъ дворянъ въ 1645 г. на эти злоупотребленія. Архивъ Югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 307.

якобы охраненія вѣры, по всякимъ пустякамъ тащатъ шляхтичей къ суду и взводятъ противъ нихъ дутыя обвиненія. Въ частности на сеймахъ 1645, 1646 и 1647 годовъ южнорусскіе дворяне, при поддержкѣ диссидентскихъ денутатовъ изъ другихъ областей Польши, требовали отміны трибунальскихъ рѣшеній по дѣлу: Петра Сениоты, Яна Стоинскаго, Юрія Чаплича, Юрія Немирича и другихъ социніанъ¹⁾. Но всѣ гуманныя требованія южнорусскихъ дворянъ какъ о каменную стѣну разбивались о фанатизмъ польской католически-клерикальной партіи, руководимой на сеймахъ самимъ примасомъ и другими высшими духовными сановниками королевства.

Таково было положеніе социніанской секты на Волыни на канунѣ грознаго переворота, который готовилъ для Польши Богданъ Хмельницкій. Не лучше оно было и въ сосѣдней съ Волынью кievской Украинѣ.

Орестъ Левицкій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, №№ XII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXII, XXIII, XXV и XXVI. Лукашевичъ, Dzieje kościołów wyznania helw. w Małej Polsce, стр. 283—285.